

¹¹ См.: *Иконников В.* Историческое описание Екатеринбургского Ново-Тихвинского первоклассного девичьего монастыря. СПб., 1875. С. 6, 91; Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря // *ЕЕВ.* 1905. № 14. Отд. неофиц. С. 473; 1907. № 11. С. 247; 1910. № 5. С. 126; *Керский С.* Ново-Тихвинский монастырь в городе Екатеринбурге. СПб., 1892. С. 8.

¹² Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО), ф. 6, оп. 4, д. 165, л. 21 об. – 22.

¹³ См.: *Иконников В.* Историческое описание... С. 91–95; *Керский С.* Ново-Тихвинский монастырь... С. 9.

¹⁴ ГАСО, ф. 603, оп. 1, д. 493, л. 101–102.

¹⁵ См.: *Иконников В.* Историческое описание... С. 101–103; ГАСО, ф. 6, оп. 4, д. 165, л. 21 об. – 22, 29–29 об.; ф. 603, оп. 1, д. 454, л. 44 об., 202 об.; д. 454, л. 124 об. – 125; д. 493, л. 91 об. – 92, 101–102.

¹⁶ *Младов Г.* Настоятельница Екатеринбургского Ново-Тихвинского девичьего первоклассного монастыря игуменья Магдалина: (Биографический очерк ее, кончина и погребение) // *ЕЕВ.* 1893. № 5–6. Отд. неофиц. С. 114.

¹⁷ ГАСО, ф. 6, оп. 4, д. 165, л. 28 об. – 29.

¹⁸ ГАСО, ф. 603, оп. 1, д. 719, л. 258 об. – 259, 265; д. 731, л. 253 об., 255 – 256 об.

¹⁹ См.: *Иконников В.* Историческое описание... С. 101; ГАСО, ф. 603, оп. 1, д. 719, л. 146 об. – 147, 159 об. – 160, 166 об. – 167, 191 об. – 192, 207 об. – 208, 209 об. – 210, 214 об. – 215, 221–223, 233 об. – 234, 261, 264 об.; д. 731, л. 144 об. – 145, 159 об. – 160; 165 об. – 166, 189 об. – 190, 204 об. – 205, 207 об. – 208, 211 об. – 212, 217 об. – 218, 222 об. – 223, 233 об. – 234, 260, 261.

²⁰ ГАСО, ф. 6, оп. 4, д. 165, л. 21 об. – 22.

²¹ Подсчитано по материалам: ГАСО, ф. 603, оп. 1, д. 443, 719, 731.

²² ГАСО, ф. 603, оп. 1, д. 737, л. 16, 32 об., 33, 34 об.; д. 733, л. 8 – 8 об.

²³ Подсчитано по материалам: ГАСО, ф. 603, оп. 1, д. 681, 688.

²⁴ ГАСО, ф. 603, оп. 1, д. 454, л. 44 об., 124 об. – 125, 334 об., 340 об., 377; д. 493, л. 92.

²⁵ ГАСО, ф. 603, оп. 1, д. 454, л. 3, 21 об., 23, 44 об., 114, 124 об. – 125, 126, 133а об., 153–154, 251 об., 257–258, 261, 360 об., 378, 391 об., 405 об., 430 об.; д. 493, л. 92.

²⁶ ГАСО, ф. 603, оп. 1, д. 454, л. 126, 133а об., 302 об., 336; д. 493, л. 92.

²⁷ Подсчитано по материалам: ГАСО, ф. 603, оп. 1, д. 688.

²⁸ *Павловский С.* Нижне-Тагильский Скорбященский женский монастырь Екатеринбургской епархии // *ЕЕВ.* 1905. № 10. Отд. неофиц. С. 318, 320; № 11. С. 347, 352, 354; ГАСО, ф. 603, оп. 1, д. 681, 688, 719, 731.

²⁹ Подсчитано по материалам: ГАСО, ф. 603, оп. 1, д. 681, 688, 719, 731, 734.

А. Б. Суслов

ПРАВОВОЙ СТАТУС СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ НА УРАЛЕ В 30-х – НАЧАЛЕ 50-х ГОДОВ XX ВЕКА

Исследование правового статуса различных категорий советского зависимого населения является весьма значимым аспектом изучения социальной истории СССР. Проблема правового статуса спецпоселенцев получила определенное освещение в историографии¹, однако она требует дальнейшего углубленного изучения. Особенного внимания заслуживает сопоставление официального, провозглашенного *de jure*, и реального, установленного *de facto*, статуса

спецпоселенцев, что способствует выявлению латентной сущности советского этакратического общества. Рассмотрение проблемы на примере Уральского региона поможет подойти к ее изучению более конкретно.

В первое время после начала массовых депортаций в 1930 году правовой статус спецпереселенцев был очерчен весьма приблизительно. Это, несомненно, создавало почву для произвола на местах.

Более года прошло после начала спецпереселения, прежде чем уральские власти разработали и утвердили суженным президиумом Уральского облисполкома 11 апреля 1931 году (разослано 5 мая 1931 году) «Положение об обслуживании и управлении спецпереселенцами в Уральской области», регламентирующее деятельность органов, ответственных за обустройство и использование труда спецпереселенцев, а также права и обязанности последних. И только 7 октября 1931 года появляется «Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и административных правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев», разработанное в недрах ГУЛАГа и утвержденное заместителем председателя ОГПУ Г. Г. Ягодой. Заметим, что и то, и другое положения являлись подзаконными актами в то время, когда законов, определяющих правовой статус спецпоселенцев, не существовало.

«Спецпереселенцы как лица, лишённые избирательных прав и административно-сосланные, ограничиваются в правах, как личных, так и имущественных», – устанавливалось в уральском положении. Ограничения «личных» прав, согласно этому документу, состояли в «лишении права передвигаться и селиться по собственному усмотрению» и в «лишении права собраний без разрешения поселковых комендантов»².

Не останавливаясь на том, что с юридической точки зрения в категорию личных попали и политические права, заметим, что и в уральском положении и во временном положении ОГПУ умалчивалось об ограничениях других прав спецпереселенцев. Явным образом ограничивались такие их личные (гражданские) права, как право на неприкосновенность личной и семейной жизни, неприкосновенность жилища, тайну переписки; неявным образом – право на свободу от жестокого обращения и пыток, право на свободу совести и т. д. Из политических прав, помимо признаваемых для спецпереселенцев ограничений права на управление делами государства и свободы собраний, очевидно нарушалось право на свободу слова. Правда, все эти права и свободы ограничивались и для всего остального населения, поэтому нет ничего удивительного в отсутствии признания этого факта в официальных документах.

Нормы временного положения ОГПУ в некоторых случаях формулировались жестче, чем в уральском положении. К примеру, спецпереселенцам запрещалась не только отлучка за пределы поселка, но они не имели права без разрешения комендатуры ОГПУ менять как место жительства, так и квартиру. В свою очередь временное положение содержало важную в правовом отношении оговорку о том, что спецпоселенцы и их семьи, соблюдающие установленные для них правила и добросовестно относящиеся к порученной им работе, имеют право на полное восстановление во всех гражданских правах через 5 лет со дня переселения. Эта норма, смягчавшая правовые ограничения, по всей видимости, являлась стимулом повышения производительности труда спецпереселенцев и улучшения оперативной обстановки в спецпоселках.

Очевидно лишение спецпереселенцев права на свободный выбор рода занятий и фактическое принуждение к труду. Во временном положении устанавливалась обязанность заниматься общественно-полезным трудом для всех трудоспособных спецпереселенцев; при этом право выбора места и характера работы для спецпереселенцев предоставлялось органам ОГПУ.

С известными оговорками можно говорить даже о фактическом лишении свободы этой категории населения. Жить и работать они могли только там, где укажут. Отказ от «общественно-полезного труда» карался в уголовном порядке. Выход за пределы спецпоселков не дозволялся. «У крепостных за неделю или после Юрьева дня было право перейти от одного хозяина к другому, – делится своими мыслями бывший спецпереселенец И. Шарыгин. – Мы же без разрешения коменданта не могли ступить ни шагу»³.

Эмоции очевидцев подтверждаются следующими пассажами из указанных нормативных актов. Положением от 11 апреля 1931 года спецпереселенцам вменялось в обязанность подчиняться установленным для спецпоселков в местах работ правилам режима и внутреннего распорядка, и оно предусматривало за нарушение их соответствующую групповую или индивидуальную ответственность. Временное положение от 7 октября 1931 года также обязывало спецпереселенцев беспрекословно и точно соблюдать устанавливаемые комендатурами ОГПУ в поселках порядки, постановления и указания поселковой администрации, местных советских органов и Советского правительства.

Уральское положение предусматривало такие меры административного воздействия к нарушающим правила режима и «злостно понижающим производительность труда», как предупреждение, перевод на более тяжелые работы, высылку в более отдаленные места ссылки, заключение в штрафную команду. Согласно временному положению ОГПУ комендатуры могли подвергать спецпоселенцев штрафу до 10 р. или аресту до 10 суток за нарушение внутреннего распорядка и систематические прогулы, а также переводить в другие поселки. При этом для пресечения весьма распространенной, но абсолютно незаконной и бесчеловечной меры воздействия особо оговаривалось, что лишение права приобретения пайка ни в каких случаях и никаким органам не разрешается. Для привлечения к уголовной ответственности дела следовало передавать в органы Наркомюста или ОГПУ.

Остановимся на одном из средств давления на спецпереселенцев, не предусмотренном советским законодательством, но предусмотренном положением. «В целях обеспечения порядка каждый спецпереселенец, достигший 16-летнего возраста, выдает комендатуре индивидуальное обязательство о подчинении его правилам режима и внутреннего распорядка по установленной форме, – говорится в документе. – Названные обязательства отбираются от глав семей в обеспечение ненарушения установленных правил семьей в целом и отдельными ее членами, равно от старших десятков групп и т. д. Последние обязательства имеют силу круговой поруки»⁴. Расписки хранились у комендантов. Старшему поручалось следить за исполнением «отобранных» (характерное словечко!) «обязательств», выявлять виновных, доносить о них коменданту, за укрывательство нарушителей старший привлекался к ответственности. Индивидуальные «обязательства» можно считать средством психологичес-

кого давления на спецпереселенцев. Преследование же за невыполнение коллективных обязательств по средневековому принципу круговой поруки было уже за гранью существовавшего для остальных граждан законодательства. Дифференцированное применение к части населения (спецпереселенцам) принципа коллективной, а не индивидуальной ответственности за правонарушения на деле означало ее дискриминацию.

Нельзя не заметить, что возможности использования целого ряда предоставленных советским гражданам социально-экономических прав для спецпоселенцев были явно ограничены по сравнению с вольнонаемными работниками. Особенно наглядно дискриминация проявлялась в 1930 – первой половине 1931 года. Как сообщал исполняющий обязанности начальника отдела по спецпереселенцам ПП ОГПУ по Уралу Н. Д. Баранов в своем «Обзоре об общем положении спецпереселенцев Уральской области» на 1 июля 1931 года, с начала переселения до мая 1931 года продолжительность рабочего дня для спецпереселенцев установлена не была, также не было установлено дней еженедельного отдыха; по Ураллесу были случаи, когда дней отдыха спецпереселенцам совершенно не предоставлялось и последние работали по 10–14 часов в сутки. Одновременно нормы выработки для спецпереселенцев завышались, а расценки занижались; задержки выплаты заработной платы измерялись месяцами и даже могли превысить год (нормы и оплата труда далее будут рассмотрены более подробно). Несмотря на многочисленные несчастные случаи, компенсаций за увечья не выдавалось. Таким образом, люди работали в ужасных условиях, практически бесплатно и не имели права оставить место жительства и работы. Только с мая 1931 года, после поступления соответствующих директив «сверху», спецпереселенцы формально уравниваются с остальными в отношении нормирования, оплаты и охраны труда.

Но дискриминация, тем не менее, оставалась. Спецпереселенцы не имели тех возможностей пользования медицинской помощью и культурными благами, которыми обладало остальное население. Положение от 11 апреля 1931 года фактически лишало их ряда социальных гарантий, которыми они не обладали и изначально, устанавливая, что «спецпереселенцы, занятые на работах хозорганов и спецпоселков, социальному страхованию не подлежат, за время болезни зарплаты и пособий от органов социального страхования не получают, пользуясь медпомощью в специальной сети или гражданских лечебных учреждениях». Ситуация изменилась лишь с выходом циркуляра Наркомтруда от 21 августа 1931 года, разрешавшего выплачивать спецпереселенцам страховое пособие на общих основаниях. Поэтому временное положение ОГПУ от 7 октября 1931 года уже несколько по-иному трактовало этот вопрос: за работающих по найму спецпереселенцев предусматривалось внесение страховых начислений в общем порядке. Кроме того, у них теперь имелось право на получение через органы соцстраха пособия по временной утрате трудоспособности, пенсий по инвалидности или смерти от трудового увечья, пособий на рождение и погребение на одинаковых с вольнонаемными рабочими (не членами профсоюзов) основаниях.

Существенно ограничивалось для спецпереселенцев право на образование. В 1930 году в правилах приема в вузы и техникумы, утвержденных Наркомпросом РСФСР, появилось указание, что лица, живущие на нетрудовой доход или лишенные избирательных прав, в эти учебные заведения не принимаются.

Заметим, что действия властей по уравниванию спецпоселенцев в правах, не касающихся свободы передвижения, с остальными гражданами не были последовательными и носили декларативный характер. Появление каких-либо чрезвычайных обстоятельств, а они возникали постоянно, вновь и вновь ставило спецпоселенцев в положение изгоев. Характерен эпизод, случившийся летом 1932 года, когда руководство страны, оказавшись перед лицом продовольственного кризиса, пошло на ограничение социально-экономических прав спецпереселенцев, установив для них заниженные, по сравнению с вольнонаемными рабочими, нормы снабжения. В 3-м квартале 1932 года НКСнаб уменьшил нормы снабжения спецпереселенцев, фактически нарушив правительственную установку о приравнивании спецпереселенцев в отношении снабжения к кадровым рабочим.

Такая дифференциация вызывала естественное недовольство спецпереселенцев из-за явной несправедливости. Помощник начальника ОСП ПП ОГПУ по Уралу Соколов писал: «Вследствие неодинакового снабжения рабочих спецпереселенцев с кадровыми рабочими с мест поступают сведения о начавшемся недовольстве спецпереселенцев. Это особенно заметно в угольной и рудной промышленности, где разница в нормах снабжения, главным образом мукой, очень значительна (кадровые получают 24 кг, а спецпереселенцы 16 кг)»⁵.

Ущемления спецпоселенцев в снабжении продуктами и промышленными товарами, несмотря на указания партийных органов и ОГПУ, были распространены повсеместно. К примеру, в сентябре 1933 года заведующий агитационно-массовым отделом Уралобкома Захаров информировал, что на предприятиях треста «Кизелуголь» ларьки и магазины, обслуживающие спецпереселенцев, снабжаются во вторую очередь как продовольствием, так и промтоварами. Однако на подобные нарушения партийные органы, да и ОГПУ, по всей видимости, смотрели сквозь пальцы. Сформировавшиеся в те годы мировоззренческие установки большинства руководителей ориентировали на классовое восприятие действительности, поэтому для них приоритет интересов кадровых рабочих был вполне естествен.

В 1935 году происходит восстановление спецпереселенцев в избирательных правах. Историк «кулацкой» ссылки на Урале Т. И. Славко обращает внимание на то, что выход соответствующего постановления не всегда означал его автоматическое выполнение. Поправляя В. Н. Земскова, отметившего, что «бывшие кулаки» были восстановлены в избирательных правах 25 января 1935 года, Т. И. Славко замечает, что «материалы уральских архивов свидетельствуют о том, что восстановление спецпереселенцев из числа бывших кулаков шло в индивидуальном порядке и в последующие месяцы». Кроме того, Т. И. Славко указывает на то, что хотя восстановление в избирательных правах многими воспринималось как освобождение, на деле это освобождением не было. Постановление ЦИК СССР от 25 января 1935 года узаконило пожизненность «кулацкой ссылки». Оно подкреплялось действием распоряжения начальника отдела трудпоселений НКВД «О запрете выдачи трудпоселенцам документов» от 2 марта 1935 года. О реальном освобождении сколько-нибудь значимых слоев ссылки можно говорить только после выхода Постановления СНК СССР «О выдаче паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных» от 22 октября 1938 года. Очевидно, что оно касалось только молодежи и

преследовало цель оторвать молодежь от старшего поколения. В годы войны спецпоселенцев начали призывать в Красную армию. Только из Молотовской области были призваны 2 666 человек. Находящихся в армии и членов их семей стали снимать с учета, им начали выдавать паспорта в сокращенные сроки.

Довольно часто одни нормативные акты сводили на «нет» права, предоставляемые другими документами. Например, с 1935 года детей трудпоселенцев разрешается принимать после окончания средней школы в техникумы и вузы на общих основаниях. Однако последующий запрет на проживание в режимных местностях, к которым относились и крупные города, где в основном находились вузы и техникумы, практически блокировал реализацию трудпоселенческой молодежи права на образование.

Вряд ли можно согласиться с утверждением В. Я. Шашкова, что, несмотря на экстремальные условия жизни, спецпереселенцы вместе с правовым населением СССР были включены в процесс социально-культурного развития, пользовались равными правами на труд и социальное обеспечение. Достаточно обратить внимание на то, что из зарплаты спецпереселенцев удерживался определенный процент на содержание спецкомендатур и т. п. и что не имеющие паспортов трудпоселенцы не могли быть членами профсоюзов и поэтому были лишены ряда социальных льгот.

В 40–50-х годах спецпоселенцы формально обладали всеми правами граждан СССР, кроме свободы передвижения. Однако практически каждый, побывавший на спецпоселении в то время, скажет, что реальная дискриминация касалась не только свободы передвижения. Тем не менее, в разъяснениях отдела спецпоселений говорилось о том, что для них не устанавливается никакого особого режима, кроме запрета оставлять место жительства. В регионах, где был введен паспортный режим, спецпоселенцам выдавались паспорта со специальной отметкой, где его не было – паспорта изымались. По условиям труда, обеспечению жильем спецпоселенцы формально приравнивались к остальным. Дети их учились в общих школах. Спецпоселенцы-коммунисты могли даже оставаться в партии, если их брала на учет местная парторганизация.

8 января 1945 года появляется постановление СНК СССР, ставшее в последующие годы основным документом, определяющим права и обязанности спецпоселенцев. По этому постановлению спецпереселенцы, в том числе члены семей бандитов, в местах поселения пользуются всеми правами граждан СССР, за исключением права свободного выезда за пределы района поселения. За побег следовала уголовная ответственность. При этом спецпоселенцы часто расселялись не в изолированных спецпоселках, а были разбросаны по совхозам, колхозам, предприятиям, расселены среди местного населения в зависимости от наличия жилплощади. Охрана спецпереселенцев в местах поселения не предусматривалась. Для контроля существовали спецкомендатуры МВД, на которые возлагался учет спецпоселенцев, предотвращение побегов, контроль за их хозяйственным и трудовым устройством, предупреждение беспорядков и т. д.

Лишение свободы по-прежнему не спасало от спецпоселения после отбытия срока. Приказ министра госбезопасности С. Игнатьева и министра внутренних дел С. Круглова предусматривал целый комплекс мер по реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1952 года «О направлении на спецпоселение отбывших наказание осужденных, члены семей которых находятся на спецпоселении».

Степень свободы спецпоселенцев в реальности могла зависеть от целого ряда факторов, не имевших никакого отношения к правовым нормам, в первую очередь от места их дислокации и предприятий, где использовался их труд; от этого зависел и режим, устанавливаемый для них. Как уже указывалось, спецпоселенцы жили не только в специальных поселках. Их могли поселить вместе с остальными рабочими предприятий или совхозов, а могли разместить и в действующих лагерях. Так, согласно статсведениям Ныроблага, на 12 марта 1949 года в лагере насчитывалось 959 спецпоселенцев, в Усоллаге 10 марта 1949 года – 646 спецпоселенцев, в лагере строительства № 881, согласно статсведениям от 15 марта 1949 года, содержалось 2 354 выселенца, на Косьвинстрое МВД (строительство Косьвинского гидролизного завода) на 17 августа 1949 года насчитывалось 184 выселенца-немца. Понятно, что в лагерях для спецпоселенцев устанавливался более жесткий режим, несмотря на то, что обычно они жили отдельно от заключенных. Таким образом, на практике проявлялась неоднородность правового статуса спецпоселенцев.

Заметим, что отсутствие свободы передвижения в действительности блокировало реализацию ряда других прав. Например, детям спецпоселенцев разрешалось учиться в высших и средних учебных заведениях, что, казалось бы, давало возможность свободного выбора рода занятий. Однако в реальности многое препятствовало этому. Член семьи спецпоселенцев мог избрать только такую специальность, которая имела в учебных заведениях области его поселения или в другой области, ставшей местом размещения спецпоселенцев. В области или даже районе, где режим спецпоселения отсутствовал, учиться члену семьи спецпоселенцев не разрешалось. По окончании учебного заведения выпускник часто не мог выбрать желаемый для работы район или область, более того, его не могли направить даже по наряду соответствующего министерства для работы туда, где ведомство испытывало нужду в специалистах, если организация спецпоселения на этой территории не была предусмотрена. Как писал в своей докладной начальник управления МГБ по Молотовской области полковник Кремлев, спецпоселенец после окончания педагогического или медицинского института может оказаться работающим не по полученной специальности, так как местные партийные и советские органы воспитания советских людей и лечение граждан спецпоселенцам в ряде случаев не доверяют, предлагая руководителям лечебных и учебных заведений с работы таких лиц снимать. Поэтому даже региональный руководитель карательного ведомства осмеливается обозначить перед своим начальством альтернативу: или запретить спецпоселенцам учебу в некоторых заведениях, или создать условия, при которых после окончания учебных заведений они могли бы занимать должности по полученной специальности. Ему, конечно, хотелось избежать неправильных действий, вызванных двусмысленностью установок свыше. Он по-солдафонски не мог понять (или делал вид, что не мог), почему бы не признать фактическое ущемление прав отдельных категорий населения. Политическое руководство страны имело свои резоны не делать этого. По-видимому, сказывалось нежелание раскрыть всю правду о спецпоселенцах как зарубежным наблюдателям, так и своему народу. Да и большинство спецпоселенцев, не столкнувшись с конкретной ситуацией, могли и не догадываться о существовавших правовых коллизиях. Анализируя факты из той же сферы, можно видеть, что

лишь ничтожная часть спецпоселенцев попадала в вузы. В декабре 1952 года в Молотовской области учились 10 862 ребенка спецпоселенцев, еще 516 детей, подлежащих обучению, не обучались «по причинам материальных условий и болезни». 7 802 человека посещали начальную школу, 2 932 – среднюю и только 128 – высшую. Окончить вузы в 1950/51 учеб. году смогли только 7 спецпоселенцев, в 1951/52 – 15.

Циничное отношение властей к правам спецпереселенцев, которыми они якобы обладали, наглядно показывает попытка МВД помочь им в реализации права на семейную жизнь. Нельзя сказать, что это право полностью попиралось. Однако в ходе массовой отправки на спецпоселение многие семьи были разъединены по разным причинам. Большая часть – по причине мобилизации в трудовую армию. Естественно, что мобилизованные изыскивали любые возможности выехать к своим семьям, которые, как правило, бедствовали без них. Примечательно, что пермские руководители НКВД отмечают этот факт как «недостаток в обслуживании спецпереселенцев» и сетуют, что «все без исключения предприятия, в которых они трудоустроены, испытывают острый недостаток жилфонда, в силу чего в недостаточной степени создают условия для вызова их семей, что в свою очередь не стимулирует их оседлости в настоящих местах поселения и влечет за собой со стороны спецпереселенцев массовую подачу заявлений во всевозможные органы власти»⁶. Очевидно, что о нарушении права на семейную жизнь тысяч людей чекисты даже не задумываются, для них главная опасность – почти открытое проявление недовольства подведомственного контингента, таящее угрозу подрыва установленного режима.

Соединением разрозненных в годы войны семей стали заниматься систематически только во второй половине 40-х годов. Причем, в зависимости от директив МВД то предпринимали активные действия в этом направлении, то нет. Судя по отчету заместителя начальника УМВД Молотовской области подполковника Иванова от 28 июля 1950 года, в Молотовской области на 1 января 1949 года проживали 5 650 разрозненных семей. За 1949-й год и первую половину 1950 года в ходе кампании по воссоединению семей были восстановлены 2 766 семей (5 003 человека). Большинство из оставшихся 2 884 разрозненных семей относились к категории выселенных во время Отечественной войны немцев из числа коренных жителей Урала, Сибири и Средней Азии, мобилизованных для работы в промышленности Молотовской области. Об остающихся разрозненными семьях говорилось, что они «не соединены по не зависящим от УМВД причинам». Причина указывалась только одна: многие спецпоселенцы, кто сознательно относясь к своему труду, а кто и по принуждению, прошли профессиональную подготовку и приобрели специальности работников угольной, лесной или бумажной отраслей. И именно «поэтому, – указывалось в отчете, – руководители хозяйственных и партийных организаций в целях сохранения рабочей силы возражают в увольнении с работы». Если трудившиеся на других предприятиях члены семей прошедших профессиональную подготовку спецпоселенцев также успели приобрести дефицитную квалификацию, то попадали в аналогичную ситуацию. «В свою очередь, к значительному количеству выселенцев-спецпоселенцев, желающих вызвать к себе свои семьи из других областей, последние на соединение не присылают, так как органы МВД других областей отказывают в выезде в Молотовскую область также из-за отсутствия согласия администрации

хозяйственных органов на увольнение с работы», – поясняется в отчете Иванова⁷. Напрашивается, пусть отдаленное, сравнение спецпоселенцев с крепостными XVIII века: членов семей и тех и других могли взять к себе разные хозяева. Хозяйственная целесообразность, таким образом, оказывалась выше декларируемых государством прав спецпоселенцев.

По правовому статусу некоторые категории спецпоселенцев могли отличаться от других. Причем, этот статус определялся и изменялся в соответствии с государственным произволом. Так, например, для высланных в годы войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, калмыков, немцев, крымских татар и других в момент высылки не устанавливался срок пребывания на поселении. Только через несколько лет Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, высланных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» устанавливалось, что переселение «проведено навечно». Самовольный выезд с мест поселений карался 20 годами каторжных работ. Дабы избежать каких-либо волнений в связи с выходом этого Указа, чекисты разработали специальную операцию по ознакомлению высланных с его содержанием. Всех их, начиная с 16-летнего возраста, вызывали в комендатуру, где «отбирали» расписку об ознакомлении с ним. Сегодня можно только поражаться тому, как некогда изобретенный в бюрократических недрах карательных органов термин «отобрать расписку» точно отражал сущность явления. Всего по Молотовской области, по данным МВД, «было отобрано» 38 378 расписок.

Другую категорию спецпоселенцев – «власовцев» (служивших в немецких воинских формированиях, полиции и т. д.) – отправили на поселение сроком на 6 лет без семей, в отличие от большей части спецпоселенцев, сосланных по национальному признаку навечно. По отношению к «власовцам» репрессивная система сработала неожиданно мягко (конечно, если рассматривать репрессии в сравнительном аспекте). В 1952–1953 годах подавляющее большинство «власовцев» освобождаются из спецпоселений. Однако остальные по принципу принадлежности к депортированным народам зачислялись на вечное поселение. В Молотовской области на 1 января 1952 года на поселении жили 12 257 «власовцев», из них к 1 апреля 1952 года на вечное поселение был зачислен 491 человек.

Характерно, что это мероприятие тщательно готовилось: власть боялась беспорядков. С указами Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1951 года и от 26 ноября 1948 года спецпоселенцев-«власовцев» ознакомили только 1 февраля 1952 года, т. е. незадолго до истечения 6-летнего срока ссылки. В этот день всех «власовцев», подлежавших зачислению на вечное поселение по национальным признакам, вызывали в спецкомендатуры области, где им объявлялись указы и «отбирались» соответствующие расписки. По сведениям из комендатур, эксцессов не было, преобладающее большинство оставленных на вечное поселение высказывало намерение вызвать к себе семьи и остаться работать на прежних местах.

Логика решения вопроса о переводе на вечное поселение представителей депортированных народов, подлежавших освобождению как «власовцы», понятна: уравнивать их с ранее сосланными соплеменниками. Иногда региональные руководители НКВД ставили перед начальством проблемы, связанные с нивелированием правового статуса отдельных групп спецпо-

селенцев. Так, начальник управления МГБ по Молотовской области полковник Кремлев и начальник 9-го отделения того же УМГБ полковник Кудрявцев в своей справке от 17 декабря 1952 года предлагали снять со спецпоселения немцев – коренных жителей области, мотивируя это тем, что по распоряжению ОСП МВД СССР в 1949 году бывшим отделом спецпоселений УМВД были взяты на учет спецпоселения немцы, жители города Молотова и области, в то время как это мероприятие в других областях не проводилось.

Любопытно, что дифференцировалась уголовная ответственность различных категорий спецпоселенцев за побеги. Так, согласно циркуляру МВД и Генеральной прокуратуры СССР от 14 февраля 1947 года, бежавших «влазовцев», легионеров, полицейских и других лиц, служивших в немецкой армии, надлежало привлекать к уголовной ответственности по ст. 82, ч. 2 УК РСФСР и соответствующим статьям республиканских кодексов; спецпоселенцев с Северного Кавказа, калмыков, крымских татар и др., переселенных в период Великой Отечественной войны, – по ст. 16 и ст. 82, ч. 1, мобилизованных и дезертировавших немцев – по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года или 26 декабря 1941 года (в зависимости от характера предприятия, откуда дезертировал). По отбытии срока наказания всех их следовало этапировать к месту поселения семьи.

Политическое руководство имело возможность в любой момент по собственному произволу ущемить права любой категории спецпоселенцев. Один из примеров того – Постановление Совета Министров СССР от 5 марта 1952 года «Об использовании лиц, подлежащих освобождению от спецпоселения, на предприятиях и строительствах Министерства внутренних дел СССР, а также на предприятиях и строительствах Министерства угольной промышленности и Министерства нефтяной промышленности, расположенных в Сахалинской области». В соответствии с ним МВД предприняло меры по закреплению сахалинских спецпоселенцев по месту работы еще на три года в качестве вольнонаемных рабочих и служащих. То, что на них распространялись все льготы, выдавались ссуды на строительство домов и приобретение скота, оплачивалась стоимость проезда семей и провоза багажа, не перекрывает того, что власть фактически продлевала время вынужденного пребывания в ссылке уже «свободных» людей, пусть и в привилегированных условиях.

Государственный произвол выражался и в применении ряда изощренных приемов изъятия у спецконтингента заработанных им средств. К ним можно отнести и уже отмеченные отчисления на содержание спецконтингента и его охрану, и принудительные займы. Вот только один пример. В докладной записке «О размещении Государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР по Ныроблагу МВД» от 13 мая 1946 года отмечалось, что на заем подписались 2 243 вольнонаемных работника, в том числе «значительная прослойка спецпереселенцев, трудпоселенцев и бывших судимых», общая сумма подписки составила 13 000 025 р., или 148,2 % к месячному фонду зарплаты. Только из трудмобилизованных немцев на заем подписались 4 610 из 4 617 человек списочного состава, сумма подписки составила 1 140 925 р., или 122 % к фонду зарплаты. Никакой фантазии не хватит, чтобы представить картину добровольного пожертвования практически каждым нищим спецпоселенцем или трудармейцем суммы, превышающей месячный зарабо-

ток. Так государство, поставившее людей на грань выживания, не стеснялось отбирать последние гроши у полуголодных и полураздетых бесправных подданных.

Реальное бесправие делало жизнь в спецпоселках невыносимой. Зависимый статус спецпоселенцев превращал их в объект произвола. Наряду с тяжелой работой, отвратительным снабжением и бытовыми лишениями, изгоям общества приходилось терпеть притеснения и издевательства комендантов и прочих мелких начальников. Они могли самовольно поднять нормы или снизить расценки, отказать в выдаче пайка за невыполнение двойной нормы, снять со снабжения беременных женщин, объявить симулянтами действительно нетрудоспособных да и просто побить зависимых от них людей.

Сам характер спецпереселения, негативное отношение к «кулаку», насаждавшееся свыше, делали произвол на местах не только возможным, но и распространенным явлением, несмотря на обилие распоряжений о внимательном отношении к спецпереселенцам. Только в такой атмосфере могло стать массовым «преступно-издевательское отношение» (подчеркнуто в документе. – А. С.) к спецпереселенцам, о котором говорится в циркуляре председателя Уральского облисполкома «О расселении, хозяйственном и использовании труда спецпоселенцев» от 9 мая 1931 года. В ряду часто встречающихся упоминаются такие факты, как «постройка поселков на таких участках, где невозможно организовать и вести минимально-потребительское хозяйство, отвратительное по качеству строительство поселков... невыдача зарплаты спецпоселенцам (Чусовской леспромхоз), установление специальных невыполнимых норм выработок, невыдача продуктов питания работающим на лесозаготовках спецпоселенцам и необходимой одежды, отказ заболевшим спецпоселенцам в оказании медпомощи (Петропавловский и Колвинский леспромхозы), принудительный выгон на работу женщин в последнем периоде беременности и детей, избиения и т. п.»

На заседании Уралобкома ВКП(б) 4 августа 1931 года отмечались случаи, когда из-за невыработки нормы сажали на 30 суток в баню при 30-градусном морозе: «днем работать, а ночью иди в замороженную баню». Женщин наказывали таким образом на 8 суток, мужчин – на 30. Был случай, когда милиционер за отказ от работы застрелил спецпереселенца; симптоматично, что наказания за это не последовало, убийцу лишь перевели в другой район. «Имелось много случаев перегибов (побои, незаконные аресты и т. д.), проводившиеся непосредственно администрацией ЛПХ», – сообщал исполняющий обязанности начальника отдела по спецпереселенцам полномочного представительства ОГПУ по Уралу Н. Д. Баранов в июле 1931 года⁸.

Конечно, произвол сотрудников комендатур не был безграничным. Государство время от времени демонстрировало местным начальникам свою власть, привлекая зарвавшихся к уголовной ответственности. Например, в конце 1931 года три поселковых коменданта из Чердынского и Чусовского районов Западного Урала за умышленные убийства спецпереселенцев постановлением Коллегии ОГПУ были приговорены к высшей мере наказания с заменой ее 10 годами заключения в концлагерь.

Коменданты чинили произвол в отношении спецпереселенцев не только на Урале, но во всех других уголках страны. К примеру, тобольский историк Н. И. Загороднюк собрала ряд свидетельств о произволе комен-

дантов спецпоселков в Северо-Западной Сибири, в том числе самых вопиющих. Самодур при исполнении комендантских обязанностей мог не только избить человека, как когда-то барин крепостного, но и сидел на экзаменах в школе, определял, куда пойти учиться молодым людям после школы, разрешал жениться и т. д.

Произвол комендантов и администраций предприятий, использовавших труд спецпоселенцев, имел место и по отношению к «раскулаченным» в 30-е годы, и по отношению к депортированным в 40-е годы.

Например, на шахте № 73 Гремячинского шахтоуправления был зафиксирован следующий факт. 15 декабря 1948 года начальник ЖКО Кучапин приказал коменданту домов перевести 26 выселенцев из барака в баню, которая для жилья не была приспособлена. Выселенцы отказались в нее вселяться до прибытия поселкового коменданта. Тогда по приказанию Кучапина, имевшего цель создать неподчинившимся невыносимые для жизни условия, из окон барака были изъяты рамы. Такое действие имело еще одно негативное следствие: у выселенцев замерз картофель. Подобное отношение к спецпоселенцам вело к отождествлению лагерного и спецпоселенческого режимов в умах многих несчастных. А некоторым особо натерпевшимся и тюрьма виделась раем. Так, работающая в Юрлинском ЛПХ выселенка-«оуновка» А. И. Гуменюк в феврале 1951 года заявила в кругу таких же, как она: «Весной я обязательно сбегу. Лучше быть в тюрьме, чем здесь. В тюрьме кормят, одевают, а здесь же, в лесу, гораздо труднее». Некоторые сравнивали фашистский оккупационный режим с советским и приходили к неутешительному выводу: «Когда немцы пришли в Крым, то я считал, что нам будет плохо, а вышло наоборот, при немцах нам была полная свобода, что хотели, то и делали, а сейчас, что с нами сделали – превратили в преступников и не разрешают никуда ни выехать, ни пойти»⁹.

Социальная маркировка спецпереселенца как «врага», бывшего «кулака», представителя «изменившего родине» народа и т. п., общепринятая в советском обществе в 30–40-е годы, являлась существенным дополнением к реальному правовому статусу депортированных. Она нормировала поведение и самих спецпоселенцев, и соприкасавшихся с ними людей.

Тоталитарная система формировала настоящую подсистему страха у руководящих работников: никто не хотел оказаться заподозренным в лояльном отношении к «врагам народа». В начале 30-х годов спецпереселенцы, безусловно, входили в их число, хотя сам этот термин еще не был введен в официальную лексику. Характерный случай припомнил на заседании бюро Уралобкома ВКП(б) 4 августа 1931 года представитель Усвинского района Гулин: «4 месяца назад, когда мы принимали спецпереселенцев, в столовой остался обед, хозяйственники предложили накормить спецпереселенцев, а партийные организации предложили не давать этого обеда спецпереселенцам, и весь обед вылили на землю, а людей голодных не накормили». Понятно, что в такой атмосфере недоброжелательности, когда даже тень сочувствия вызывала патологическую боязнь показаться лояльным к врагам, тот же самый страх побуждал доносить о малейших подозрениях в отношении «врагов». Руководители предприятий, использовавших труд спецпоселенцев, часто не стеснялись публично демонстрировать свою неприязнь к ним. Например, заместитель директора Мутихинского леспромхоза треста «Молотовбумлес» на собрании рабочих 2 декабря 1948 года в ответ на просьбы выселенцев улучшить бытовые условия и снабжение заявил: «Пусть подойдут 10–15 человек, мы от этого

не пострадаем». Понятно, что такие руководители вряд ли считали нужным прилагать усилия для обустройства спецпоселенцев¹⁰.

Таким образом, официальное лишение спецпоселенцев свободы передвижения вызывало как неизбежное следствие ряд полуофициальных и неофициальных ограничений прав этой категории спецконтингента. Некоторые различия правового статуса разных категорий спецпоселенцев не столь существенны, по сравнению с чертами, их сближающими. Зависимость спецпоселенцев от государства и его представителей на местах подчеркивалась негласной маркировкой «отчужденности» от интересов «трудового народа» «кулаков», «оуновцев», «сектантов» и т. п., что делало их объектом дискриминации и издевательств со стороны части населения и местных чиновников.

¹ См.: *Solomon P. Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge, 1996; *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996; *Красильников С. А.* Серп и Молот. М., 2003; *Полян П. В.* Не по своей воле... М., 2001; *Славко Т. И.* Кулацкая ссылка на Урале, 1930–1936. М., 1995; *Шашков В. Я.* Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев (1930–1954). Мурманск, 1996; *Земсков В. Н.* «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социол. исслед. 1991. № 10. С. 3–21; *Он же.* Кулацкая ссылка накануне и в годы Великой Отечественной войны // Там же. 1992. № 2. С. 3–26; *Он же.* Массовое освобождение спецпереселенцев и ссыльных (1954–1960) // Там же. 1991. № 1. С. 5–26; *Он же.* Спецпоселенцы (1930–1959 гг.) // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994. С. 145–194; *Он же.* Судьбы кулацкой ссылки (1930–1945) // Отеч. история. 1994. № 1. С. 118–147; *Зима В. Ф.* Второе раскулачивание (аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов) // Там же. 1994. № 3. С. 109–125; *Плотников И. Е.* Ссылка крестьян на Урал в 1930-е годы // Там же. 1995. № 1. С. 160–179; и др.

² ГАСО, ф. р-88, оп. 21, д. 74, л. 185 об.

³ *Шарыгин И.* Мы были волчатами // Рассвет. 1992. 8 февр.

⁴ ГАСО, ф. р-88, оп. 21, д. 74, л. 186.

⁵ Там же, д. 91, л. 233–234.

⁶ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 358, л. 119.

⁷ Арх. УВД Пермской области, ф. 18, оп. 1, д. 15, л. 35.

⁸ ГАСО, ф. р-88, оп. 21, д. 66, л. 75; ЦДОСО, ф. 4, оп. 9, д. 53, л. 37–54; Арх. УВД Свердловской области, ф. 12, оп. 1, д. 8, т. 1, л. 12 об.

⁹ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 471, л. 163; Арх. УВД Пермской области, ф. 21, оп. 1, д. 7, л. 3, 279.

¹⁰ ЦДОСО, ф. 4, оп. 9, д. 53, л. 37–54; ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 471, л. 154.

М. А. Фадеева

ЭТНИЧЕСКИЙ ИНДИВИД И ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОГО СУБСТРАТА

Происходившие в обществе в последней четверти XX века изменения привели к политизации этноса и этничности, ввели их в русло политологического дискурса. Этносу и этничности начали уделять внимание не только этнологи и ант-